

низма и исихазма. Один из них — «сильный своими природными данными и эллинским образованием»,²⁰ т. е. знанием античных философов, монах Варлаам — грек по имени Бернадо, уроженец южной Италии, преуспевший при византийском дворе. Другой — афонский подвижник, получивший в юности обычное столичное образование,²¹ значительную часть жизни прошедший в монашеском уединении, — Григорий Палама, яркая личность которого затмевает его соратников и наиболее характерна для второго, «теоретического» этапа исихазма.

В июне 1341 г. в константинопольском храме св. Софии при большом стечении народа состоялся первый «исихастский» собор-диспут. Обвинителем монахов-созерцателей в ереси выступал Варлаам, их защитником — Григорий Палама.

Этим было положено начало публичным спорам, которые длились затем около тридцати лет (и по смерти их зачинателей) и которые почти заслонили в современной греческой литературе завоевание османами большей части Балканского полуострова. В этих спорах византийское церковное мировоззрение, опиравшееся на многовековые традиции, столкнулось с развивающимся гуманистическим (также, впрочем, использовавшим некоторые из старых культурных традиций). Главной их темой был фаворский свет, или божественная энергия. Допустимо ли в едином триипостасном божестве различать деятеля и действие, иначе — сущность и энергию? Вопрос, казалось бы, достаточно схоластический, однако же его решение имело тогда громадное практическое, социальное значение. В этом словесном узле сошлось очень многое интеллектуальных нитей, ведущих и к самым насущным, самым злободневным и уже трагическим для страны проблемам. И трагизм этот придавал особую остроту и напряженность и приковывал общественное внимание к этой сложнейшей богословской и философской полемике, породившей в итоге громадную литературу.

Обе стороны были согласны,²² что божественная сущность, т. е. то, что объединяет три ипостаси воедино, в «единосущную» троицу, находится за всеми пределами человеческого постижения и разума; она трансцендентна. Любое о ней суждение — в том числе «она есть» или «ее нет» — бессмысленно. «Бога никто же виде нигде же». Что же тогда связывает эту трансцендентную сущность с людьми?

Всеобщий миропорядок, отвечал Варлаам. Чтобы приблизиться к богу, надо, подобно античным философам, познавать окружающий нас мир, божье творение. Иного пути к богу, к истине, нет; ибо и иного, кроме мира и бога, ничего нет. Церковные же таинства и свет мистических озарений — всего лишь символы, «тени»...²³

m a s. Défense des saints hésychastes. Introduction, texte critique, traduction et notes, Louvain, 1959, стр. XI—XXI. (Далее: Triades).

²⁰ Слова Иоанна Кантакузина. Цит. по статье: Публицистика Иоанна Кантакузина. ВВ, т. XXIX.

²¹ PG, t. 151, 558—560; русский перевод: Житие и подвиги св. Григория Паламы, архиепископа фессалоникского. Сочинение патриарха константинопольского Филофея. Издание иером. Антония, Одесса, 1889, стр. 12—14; J. Me y e n d o r f f. Les débuts, стр. 98—100.

²² См.: Triades, I, 3, стр. 140—141.

²³ См.: Triades, II, 3, стр. 518—521; В. T a t a k i s. La philosophie byzantine. (E. Bréhier. Histoire de la philosophie. Fascicule supplémentaire II) Paris, 1949, стр. 265—266; J. Me y e n d o r f f. Introduction, стр. 186, 258—261. Мейендорф (стр. 173, 261) сравнивает Варлаама с Вильямом Оккамом; А. Ф. Лосев (Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930, стр. 882—883) типологически сближает варлаамитство с арианством, монофизитством, монофелитством, иконоборчеством и иняборчеством «купно с эллинством, латинством и западным возрожденским басурманством».